

12+

Серж Дэ Брук

ХРОНИКА СОКРЫТЫХ СИЛ

Триллер о власти, тайне и свободе выбора

Серж Брук

**Хроника Сокрытых сил. Триллер
о власти, тайне и свободе выбора**

«Издательские решения»

Брук С. Д.

Хроника Сокрытых сил. Триллер о власти, тайне и свободе выбора
/ С. Д. Брук — «Издательские решения»,

Министр науки Ян Ковальский получает письмо, написанное его собственным почерком. След ведёт к тайному обществу Девяти Печатей, где власть сильна лишь до тех пор, пока о ней молчат. Интеллектуальный триллер о выборе, власти и свободе.

Содержание

ХРОНИКА СОКРЫТЫХ СИЛ	6
ПРОЛОГ	7
Часть I — «Приглашение»	10
Глава первая	11
Реестр во тьме	11
Глава вторая	14
Печать Пепла	14
Глава третья	17
Министерство малых истин	17
Глава четвёртая	19
Девять кресел, одно пустое	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Хроника Сокрытых сил

Триллер о власти, тайне и свободе выбора

Серж Дэ Брук

© Серж Дэ Брук, 2026

ISBN 978-5-0070-6756-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ХРОНИКА СОКРЫТЫХ СИЛ

Из цикла о герцоге Яне Ковальском

Серж Де Брук

Серж Де Брук (Dr. Sergei Brukovskyi) — писатель, философ и исследователь, создатель литературного цикла «Хроники Суверенного Королевства Манна». Его книги соединяют духовные притчи, исторические образы и современные смыслы, открывая читателю путь к внутренней свободе и разумному существованию. Через художественные метафоры автор вдохновляет на поиск истины, единства и света.

«Хроника сокрытых сил» — мистический политический триллер о поиске истины и внутренней свободы. Герцог Ян Ковальский проходит путь паломничества: от сомнений и искушений власти к открытиям сердца, действия и любви. Каждая глава открывает читателю ключ к гармонии человека и мира. Книга вдохновляет на пробуждение, объединение и выбор света как основы нового будущего.

ПРОЛОГ

Хроника скрытого смысла Последний Архивариус

*«История никогда не скрывает правду.
Она лишь прячет её среди фактов,
зная, что человек редко ищет смысл,
когда может довольствоваться событиями.»
Из Хроник Безымянного Архивариуса*

Есть государства.
Есть империи.
Есть цивилизации.
А есть то, что существует раньше всех них.
Оно не имеет флага.
Не признаёт границ.
Не чеканит собственных монет.
Оно почти никогда не появляется в учебниках истории.
Именно поэтому переживает все государства.
Каждое поколение убеждено, что именно оно пишет историю.
Каждый новый правитель уверен, что принимает решения самостоятельно.
Каждый министр полагает, что видит достаточно документов, чтобы понимать устройство власти.

Каждый народ уверен, что войны начинаются из-за денег, ресурсов, религии или амбиций.

Так проще.

Потому что истинная причина редко лежит среди причин, которые принято произносить вслух.

История похожа на огромный собор.

Большинство людей рассматривает витражи.

Некоторые изучают колонны.

Совсем немногие замечают фундамент.

Но почти никто никогда не спрашивает:

кто построил саму архитектуру?

И ещё меньше тех, кто осмеливается спросить:

кому принадлежит право перестраивать её незаметно для остальных?

Именно поэтому существуют Архивариусы.

Не историки.

Историки собирают события.

Архивариусы собирают смыслы.

Историк отвечает на вопрос:

«Что произошло?»

Архивариус спрашивает совсем другое:

«Почему именно это было позволено произойти?»

Разница между этими вопросами почти незаметна.

Но именно она определяет судьбу цивилизаций.

Существует древнее правило.

Если какая-либо организация начинает считать собственное существование более важным, чем истина, ради которой была создана,

она перестаёт служить миру.

И начинает служить самой себе.

С этого момента рождается то, что позднее люди называют...

традицией.

Порядком.

Безопасностью.

Балансом.

Но почти никогда —

властью.

Потому что власть, которая научилась скрывать собственное имя, становится почти бессмертной.

Она не требует поклонения.

Не нуждается в памятниках.

Не просит верности.

Ей достаточно одного —

чтобы большинство людей никогда не задавало правильных вопросов.

За последние две тысячи лет исчезли десятки империй.

Сотни королевств.

Тысячи династий.

Однако некоторые символы пережили их всех.

Некоторые печати переходили из рук в руки, не меняя своего предназначения.

Некоторые кресла оставались пустыми столетиями.

И некоторые люди исчезали из истории именно тогда, когда подходили слишком близко к пониманию того,

что история вовсе не является последовательностью событий.

Она является тщательно отредактированным архивом решений,

которые большинство людей никогда не увидит.

Эта хроника начинается не в тот день, когда герцог Ян Ковальский получил письмо.

Она началась гораздо раньше.

В тот момент,

когда кто-то впервые решил,

что человечеству полезнее знать последствия,

чем причины.

И закончится она не тогда,

когда будет найдено последнее кресло.

Она закончится лишь тогда,

когда читатель ответит самому себе на один вопрос.

Если бы вам однажды показали скрытую архитектуру мира...

Вы захотели бы её изменить?

Или предпочли бы сделать вид,

что никогда её не видели?

Каждая власть имеет летописца.

Каждая тайна — хранителя.

Но лишь очень редко появляется человек, который становится свидетелем обеих одновременно.

Именно о таком человеке рассказывает эта книга.

Часть I — «Приглашение»

*«Когда короли ищут ответы в звёздах, а народы — в золоте, лишь
один услышит зов:*

смысл не вне мира, а в сердце человека.»

— Из Хроник Суверенного Королевства Манна

Я часто думал: что есть смысл?

Его ищут в книгах, в золоте, в победах. Его обещают пророки и мудрецы. Но когда наступает ночь, и ты остаёшься один наедине с самим собой, — смысл ускользает, словно капля воды между пальцами.

Я — Герцог Суверенного Королевства Манна. Мой народ смотрит на меня, как на того, кто должен знать дорогу. Но чем дальше я веду их, тем яснее вижу собственную слепоту. Величие титула не избавляет от пустоты. Власть не приносит покоя.

Иногда я стою и смотрю на горизонт. Земля молчит, звёзды мерцают, но сердце моё спрашивает: куда мы идём? Мы говорим о будущем, о прогрессе, о свете — но что если это лишь слова, прикрывающие страх?

Однажды ночью, когда ветер гнал по небу рваные облака, ко мне пришёл старец. Его одежды были просты, глаза светились тихим огнём. Он сказал:

— Ты ищешь путь, но смотришь наружу. Смысл — не за пределами королевства. Он живёт внутри тебя.

Я молчал. И впервые понял, что в глубине моей души есть мир, о котором я ничего не знаю.

С того вечера началось моё паломничество. Не в земли чужие, не в новые города, а в ту страну, что открывается лишь тем, кто осмелится заглянуть в самого себя.

Там, где нет карт, нет войск, нет власти. Есть только сердце и его отклик на вечный вопрос: что значит жить разумно?

Глава первая

Реестр во тьме

*«Власть, что прячется, страшится не разоблачения, а тишины,
в которой человек наконец слышит самого себя.»*

— Из неподписанного архива Согласия Девяти Печатей

Есть особая тишина, которая наступает не тогда, когда умолкают голоса, а тогда, когда человек впервые понимает, что многое из услышанного им за жизнь было сказано не для того, чтобы он узнал правду, а для того, чтобы он не искал её дальше. Герцог Ян Ковальский узнал эту тишину в ночь, когда на его рабочий стол в Министерстве Науки и Инноваций лёг конверт без печати.

Он не удивился конверту как таковому — за годы службы Королевству Манна к нему приходило немало бумаг без подписи: доносы, предупреждения, чьи-то обиды, переодетые в заботу о государстве. Удивило его другое: почерк на конверте был его собственный. Не подделанный, не похожий — его собственный, каким он писал двадцать лет назад, ещё студентом, ещё не понимающим, что каждое слово, вписанное в реестр власти, однажды потребует ответа.

«Ты не первый, кто держит это письмо,

— было написано внутри.

— И ты не последний, кто захочет о нём забыть».

Ковальский прочитал это дважды, затем отложил лист и подошёл к окну. Сандтон спал беспокойным сном города, который зарабатывает больше, чем понимает, добывает больше, чем способен объяснить самому себе. Где-то там, в темноте между освещёнными окнами бан-

ков и биржевых контор, лежали цифры, которые он в последние месяцы изучал как министр: движения золота, слитки, чьё происхождение терялось где-то между документом и легендой, кредитные линии, срок которых будто нарочно совпадал с датами, о которых никто в правительстве не говорил вслух.

Он всегда полагал, что управляет тем, что видит. Реестрами, лицензиями, соглашениями о добыче и переработке. Он гордился тем, что его подпись означает то, что она означает. Но в письме говорилось об ином реестре — о том, что ведётся не в министерстве, а под ним. О казне внутри казны.

«Есть Согласие,

— писал неизвестный автор его собственной рукой,

— которое старше твоего королевства и старше границ, что ты защищаешь. Оно не правит явно. Оно лишь следит, чтобы никто другой не правил слишком явно. Девять печатей, девять хранителей, и одно кресло, что пустует уже сто лет. Тебя пригласят. Решение — твоё. Но знай: те, кто отказывается видеть архитектуру, в которой живут, не перестают в ней жить. Они просто перестают в ней что-либо понимать»

Ковальский убрал письмо в внутренний карман пиджака — туда же, где носил список тех, кому доверял без объяснений. Список этот в последние годы становился короче, а не длиннее, и он не был уверен, было ли это признаком мудрости или одиночества.

На следующее утро он, как обычно, принимал доклады. Директор геологической разведки говорил о новом месторождении на севере; советник по энергетике — о задержках в поставках оборудования; помощник — о письме от некоего Кардинала-Регента Адера Восса, испрашивающего аудиенции «по вопросу, затрагивающему устойчивость финансовых основ Королевства». Формулировка была безупречно скучной. Именно поэтому она насторожила его больше всего остального.

Он принял Восса вечером, когда в министерстве гасли верхние огни и оставались только настольные лампы — свет, который, как он всегда думал, лучше подходит для правды, чем яркое дневное освещение, слишком похожее на театральную сцену.

Восс оказался человеком, чья вежливость была отточена, как нож, которым много лет пользовались исключительно для того, чтобы резать аккуратно, а не глубоко. Он не сел, пока ему не предложили, и не заговорил, пока не убедился, что дверь закрыта.

— Ваша светлость получили письмо,

— сказал он не как вопрос.

— Я получил письмо, написанное почерком, который принадлежит мне, но которого я не писал,

— ответил Ковальский.

— Это меняет разговор, который вы, вероятно, готовили.

Восс улыбнулся так, как улыбаются люди, привыкшие, что их собеседники умны, и находящие в этом скорее облегчение, чем угрозу.

— Согласие Девяти Печатей существует не для того, чтобы удивлять умных людей, герцог. Оно существует, чтобы удивлённые умные люди не наделали глупостей в одиночку. Ваше королевство богаче, чем сознаёт. И беднее, чем полагает. Обе эти истины удерживаются в равновесии не вашим казначейством.

— Тогда чьим?

— Тем, что я предлагаю вам увидеть. Не поверить — увидеть. Дальше вы решите сами, что с этим знанием делать. Мы не просим верности. Мы просим только одного: чтобы вы, увидев архитектуру, не притворялись, будто её не видели.

Ковальский подумал о реестрах, которые он подписывал годами, о добросовестности, с которой считал столбцы прихода и расхода, полагая, что если цифры сходятся, значит, мир, который они описывают, устроен честно. Он подумал также о том, что самая опасная ложь —

не та, что противоречит фактам, а та, что аккуратно расставляет подлинные факты в неверном порядке.

— Хорошо,

— сказал он.

— Покажите мне вашу архитектуру. Но помните, Кардинал-Регент: министр, которого вы пригласили, присягал не Согласию. Он присягал Короне.

— Это,

— ответил Восс, впервые за вечер без улыбки,

— единственная причина, по которой мы пригласили именно Вас.

Когда Восс ушёл, Ковальский долго сидел в темнеющем кабинете, не зажигая света. Он думал не о девяти креслах и не о пустующем десятом — вернее, не только о них. Он думал о том, как легко человек, всю жизнь служивший видимой власти, может обнаружить, что видимая власть — лишь фасад, за которым идёт совсем другое строительство. И о том, что единственный способ не стать материалом в чужих стенах — это узнать имя архитектора прежде, чем он узнает, на что годен ты.

За окном Сандтон продолжал гореть своими огнями — город, уверенный, что сам решает, когда просыпаться и когда гаснуть. Ковальский невольно улыбнулся этой уверенности — не свысока, а с той грустью, с какой смотрят на спящего, которому только предстоит узнать, что сон его снился не ему одному.

Глава вторая

Печать Пепла

«Пепел не отрицает огня. Он единственное, что огонь оставляет тому, кто хочет доказать, что горело.»

— Устав Согласия Девяти Печатей, статья о посвящении

Восс назначил новую встречу без письма. Просто в конце вторника, когда Ковальский выходил из здания министерства, водитель, которого он не заказывал, придержал для него дверь автомобиля, которого он тоже не заказывал, и сказал только одно слово:

— «Пора».

Ковальский сел в машину — не потому, что доверял, а потому, что понял: отказ здесь был бы не осторожностью, а слепотой, которую он сам себе выбрал бы навсегда.

Его привезли не в особняк и не в министерство — в старую капеллу на окраине города, давно выведенную из реестра действующих приходов, но не разрушенную. Внутри не было ни электрического света, ни свечей в привычном смысле: горели жаровни с углём, и запах гари стоял такой плотный, что казался почти вкусом.

Восс ждал его у алтаря, если это можно было назвать алтарём — каменная плита, на которой лежала одна-единственная печать: диск тёмного металла, покрытый слоем пепла, будто его только что вынули из очага.

— Вы позвали меня, чтобы показать мне грязный кусок металла, Кардинал-Регент?

— спросил Ковальский, стараясь, чтобы голос звучал так же ровно, как в министерстве.

— Я позвал вас, чтобы показать вам единственную честную вещь в этом здании,

— ответил Восс.

— Всё остальное здесь — символы, придуманные людьми, которые боялись, что без символов забудут, зачем собрались. Но пепел не лжёт. Он помнит форму того, что сгорело, даже когда огня давно нет.

Он взял диск в ладони — без перчаток, не боясь ни жара, ни пепла — и протянул его Ковальскому.

— Печать Пепла. Не первая и не главная из девяти. Восьмая. Та, что даётся не за власть и не за знание, а за готовность нести последствия того, что ты увидел. Остальные семь печатей в этом зале не покажут вам ничего. Эта — покажет всё. Но взять её — значит принять условие.

— Какое условие?

— Молчание. Не перед миром — перед Коронай, которой вы служите. Всё, что вы узнаете внутри Согласия, останется внутри Согласия. Даже если это будет касаться Манны. Даже если это будет угрожать Манне.

Ковальский долго смотрел на диск, не беря его. В голове звучал не голос Восса, а голос его собственного отца — строго горного инженера, который однажды сказал ему:

— «Сын, худшая клятва — не та, что нарушена, а та, что дана не понимая, кому ты в действительности её приносишь».

— Вы просите министра Короны молчать перед своей Коронай,

— сказал он наконец.

— Это не посвящение, Восс. Это вербовка.

— Называйте, как хотите.

— Восс не отвёл взгляда.

— Но подумайте вот о чём: вы уже молчите. Каждый день, подписывая реестры, которые не сходятся, вы молчите — просто потому, что не знаете, о чём говорить. Я предлагаю вам не начать молчание. Я предлагаю вам наконец узнать, о чём оно.

В этом была та особая жестокость правды, которая не оставляет удобного места для благородного отказа. Ковальский подумал о письме, написанном его собственным почерком, о реестре внутри реестра, о девяти креслах и десятом, пустом уже сто лет. Он подумал о том, что настоящая опасность — не Согласие само по себе, а его собственное невежество о нём, невежество человека, который считает, что управляет тем, чего даже не видит целиком.

— Я возьму печать,

— сказал он,

— но не на ваших условиях. Я не клянусь молчать перед Коронай. Я клянусь молчать перед миром — до тех пор, пока не решу, что Корона имеет право знать больше, чем я узнал сегодня. И этот момент определяю я, а не Согласие.

Восс молчал так долго, что жар в жаровнях, казалось, потускнел. Затем — то ли усмехнулся, то ли просто выдохнул через нос.

— Знаете, герцог, за сто лет было предложено восемь вариантов этой клятвы. Ни один не звучал так, как ваш. — Он вложил печать в руку Ковальского; металл под слоем пепла оказался неожиданно холодным.

— Быть может, именно поэтому пустует десятое кресло. Оно ждало не покорного. Оно ждало того, кто станет спорить с условиями посвящения — и всё равно войдёт.

Печать легла в ладонь Ковальского с тяжестью, не соответствующей своему размеру — так иногда камень со дна реки оказывается тяжелее, чем кажется на глаз, потому что несёт в себе не только собственный вес, но и память всей воды, что текла над ним.

— Что теперь?

— спросил он.

— Теперь,

— сказал Восс,

— вы увидите Хранилище. И, герцог,

— он впервые за вечер произнёс это почти по-человечески мягко,

— оставьте дома всё, во что вы верили о природе вашего собственного королевства. Оно вам не понадобится там, куда мы идём.

Ковальский вышел из капеллы с пеплом на пальцах, который не смывался ни платком, ни позже, дома, водой из крана — будто отметина осталась не на коже, а под ней. Он стоял у окна своей квартиры до утра, глядя на Сандтон, который спал так же безмятежно, как накануне, не подозревая, что человек, глядящий на него сейчас, знает о его основаниях чуть больше, чем несколько часов назад — и чуть меньше, чем предстоит узнать.

Глава третья

Министерство малых истин

«Малая правда, сказанная вовремя, надёжнее укрывает большую ложь, чем целая крепость молчания.»

— Устав Согласия Девяти Печатей, статья о служении

Утро после капеллы Ковальский встретил так, как встречают утро после операции: тело слушалось, разум работал, но между ними появился зазор, в котором теперь жило что-то новое и неназванное. Он подписал три постановления о геологической разведке, утвердил бюджет для лаборатории квантовых датчиков и выслушал доклад помощника о задержке поставок из Роттердама — и всё это время часть его сознания стояла в тёмной капелле, глядя на диск пепла в собственной ладони.

Именно тогда он впервые заметил то, что позже назовёт про себя «архитектурой малых истин». Каждое утверждение, которое он произносил как министр, было правдой — и в то же время было тщательно выбранной правдой, аккуратно построенной стеной, за которой оставалось всё, чего он теперь не мог сказать.

— Разведка на севере идёт по плану, — сказал он на утреннем совете, и это было правдой. Он просто не добавил, что накануне вечером видел документ, из которого следовало: часть концессий на этом самом севере уже дважды перепродавалась через посредников, о существовании которых официальный реестр Королевства не знал.

— Бюджет лаборатории утверждён без сокращений, — сказал он советнику по науке, и это тоже было правдой. Он не сказал, что часть этого бюджета, согласно бумагам, показанным

ему Воссом, годами тайно дополнялась средствами, источник которых не мог быть назван даже казначейству.

Он не лгал. Ни разу. Но, идя домой в тот вечер, он подумал, что человек может построить тюрьму из одной только правды, если научится правильно расставлять паузы между её частями.

На третий день после капеллы к нему пришла Чансилор Элин Марчетти — не по протоколу, без предупреждения, как приходят только те, кому многолетняя дружба заменяет расписание визитов.

— Ты изменился, Ян, — сказала она, садясь напротив его стола без приглашения, потому что приглашение между ними давно стало формальностью. — Не в делах. В делах ты, как обычно, безупречен. Изменился в паузах. Раньше ты замолкал, когда думал. Теперь ты замолкаешь, когда решаешь, можно ли сказать то, о чём думаешь.

Ковальский улыбнулся — так, как улыбаются люди, застигнутые кем-то более внимательным, чем они рассчитывали.

— Министерство требует осторожности, Элин.

— Министерство требовало от тебя осторожности двадцать лет. Это не осторожность. Это новый вес, который ты носишь и о котором не говоришь. — Она наклонилась вперёд. — Я не спрашиваю, что это. Я спрашиваю только одно: это делает тебя более годным служить Короне — или менее?

Вопрос застал его врасплох именно своей прямоотой, лишённой всякой попытки вывести секрет. Марчетти не хотела знать содержимое его новой тайны. Она хотела знать, во что эта тайна превращает человека, которого она знала тридцать лет.

Он думал над ответом дольше, чем следовало для честного «да» или «нет».

— Пока — более годным, — сказал он наконец. — Я вижу больше, чем видел месяц назад. Вопрос в том, что я буду делать со всем, что вижу, когда увиденного станет больше, чем я способен нести молча.

— Тогда у меня для тебя правило, — сказала Марчетти, вставая. — Не моё правило, отцовское. Он говорил: министр может хранить тайны государства. Но в тот день, когда тайна начинает хранить министра — вместо того, чтобы служить ему, — он должен либо выйти из тайны, либо выйти из министерства. Третьего не бывает, Ян, как бы удобно ни казалось третье поначалу.

Она ушла, не дожидаясь ответа — потому что знала, как знают только старые друзья, что ответ ему нужнее себе, чем ей.

Оставшись один, Ковальский открыл нижний ящик стола, где среди личных бумаг теперь лежал завернутый в платок диск пепла. Он не доставал его на людях, не смотрел на него часто — но в тот вечер достал.

Он подумал о реестрах, которые подписывал всю жизнь, полагая честность цифр достаточной честностью. Подумал о малых истинах, из которых как будто сам собой сложился купол, отделивший его прежнюю ясность от нынешней. И подумал о единственном вопросе, который теперь имел значение больше любого другого: сколько малых истин можно произнести, прежде чем они, сложенные вместе, перестанут складываться в правду и станут чем-то другим — точным по форме, но пустым по сути, подобно печати, что хранит форму огня, давно превратившегося в пепел.

Он не знал ответа. Но, убирая диск обратно в платок, он впервые с ночи в капелле почувствовал не тревогу, а нечто вроде решимости: если ему предстоит нести этот вес, он не позволит весу тайны определять форму его служения. Форму определит он сам — или, по крайней мере, будет бороться за это столько, сколько сможет.

Глава четвёртая

Девять кресел, одно пустое

«Девять могут удержать мир в равновесии. Но равновесие, удержанное девятью, само по себе не есть справедливость — это лишь отсрочка вопроса, кто займёт десятое место.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.